

УДК 81'373

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТОРОН СВЕТА В РУССКИХ ГОВОРАХ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(бинарные оппозиции «восток-запад», «юг-север»)**

А. Г. Тимченко

**VERBALIZATION OF THE CARDINAL POINTS IN THE RUSSIAN DIALECTS
OF KRASNOYARSK TERRITORY (semiotic binary oppositions «East-West», «South-North»)**

A. G. Timchenko

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 14-14-24004 «Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 14-14-24004 «Ethno-cultural consciousness and siberian identity that is reflected in the language».

Лексическая система говоров позволяет реконструировать языковую картину мира. Данное исследование затрагивает некоторые аспекты вербализованной картины мира жителя Красноярского края. Красноярский край относится к числу немногих регионов нашей страны с незавершенным лексикографическим описанием. Самобытность сибирской культуры, менталитета заложена и в языке. Имеющиеся в словарях русских говоров Красноярского края языковые данные отражают материальную и духовную культуру сибиряков, свидетельствуют о многолетних связях русского населения региона с представителями коренных этносов. В статье исследуется языковое воплощение бинарных оппозиций «восток-запад» и «юг-север» (на материале диалектных источников). Рассматривается ритуальная роль лексем, входящих в состав оппозиций. Анализируется связь сторон горизонта и метеорологических именовании. В диалектных лексических единицах, семантически относимых к указанным противопоставлениям, реализуются частные представления красноярских крестьян об окружающем мире, о собственном положении в нем. Территориально ограниченное лингвистическое исследование говоров раскрывает факты национальной культуры, взаимопроникновения ареальной диалектной лексики и лексики русского литературного языка, что влечет за собой своеобразие функционирования отдельных диалектных единиц. Результаты данного исследования могут быть использованы для анализа региональных картин мира, исследования семантики диалектного слова, при проведении спецкурсов и спецсеминаров по диалектологии, лингвокультурологии, лингвистическому краеведению.

The lexical system of dialects allows the reconstruction of the linguistic worldview. This study deals with some aspects of verbalized worldview of the residents of Krasnoyarsk Territory. Krasnoyarsk Territory is one of the few regions of the country with incomplete lexicographic description. The identity of the Siberian culture and mentality is contained in the language. The linguistic data available in dictionaries of the Russian dialects of Krasnoyarsk Territory demonstrate the material and spiritual culture of the Siberians, indicates a long-term relation of the Russian population of the region with the indigenous ethnic groups. The paper is devoted to the linguistic verbalization of the semiotic binary opposition «East-West» and «South-North» (based on the dialects sources). The author examines the ritual role of lexemes included in the opposition, analyzes the relations between the cardinal points and meteorological namings. The dialect lexical items that are semantically related to these oppositions reveal Krasnoyarsk peasants' particular understanding of the world and their own position in it. The territorially limited study of linguistic dialects reveals the facts of national culture, the interpenetration of local dialect vocabulary and the vocabulary of the Russian literary language, which entails the uniqueness of the operation of individual unit's dialect. The results of this study can be used to analyze regional worldviews, in the study of dialect words semantics, during special courses and seminars on dialectology, linguistics, linguistic local history.

Ключевые слова: семиотические оппозиции, говоры Красноярского края, категория пространства, картина мира субэтноса.

Keywords: semiotic binary opposition, dialects of Krasnoyarsk Territory, category of space, subethnic worldview.

В исследованиях по семиотике культуры было выдвинуто предположение, что языковую картину мира этноса, человека (в частности) можно описать с помощью бинарных оппозиций, которые являются универсальными для множества языков и культур [3]. В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым при реконструкции семантики древних текстов были предложены следующие оппозиции: свой-чужой, хороший-плохой, мужчина-женщина, свет-тьма, верх-низ, восток-запад, юг-север, близкий-далекий и т. п. [2]. Немаловажно,

что первый член оппозиций всегда маркирован положительно, второй – отрицательно.

Категории пространства и времени являются универсальными для всех языков и культур. Человеку с древних времен важно было определить свое местоположение, вписать себя в мировую ось координат для утверждения ориентации и самоориентации, упорядочить, таким образом, хаотичную вселенную, сделать ее познаваемой, понятной, осмысленной. Как утверждал М. Н. Громов, вертикальная структура, горизонтальное членение пространства, семиотиче-

ские оппозиции «не только структурировали языческое сознание и создавали своеобразный механизм объяснения мира и человека, но и содержали в себе протомодели, которые впоследствии были преобразованы в развернутые и рационализированные концепции» [1, с. 448 – 449].

В данной статье предпринимается попытка описать лишь малую, но при этом весьма значимую часть языковой картины жителя Красноярского края (вербально воплощенную ориентацию по сторонам света субъекта) с помощью опоры на такие оппозиции, как «восток-запад» и «юг-север». Такое расположение компонентов бинарных структур принято считать традиционным, поскольку первый из них маркируется положительно, второй – отрицательно. Материалом для анализа послужили лексические единицы говоров Красноярского края. Именно диалектная форма языка является более устойчивой к изменениям, нежели форма литературного языка, что позволяет ярче и точнее реконструировать картину мира субэтноса, проживающего на данной территории.

В научной картине мира стороны горизонта выступают абсолютными и неоспоримо познаваемыми характеристиками пространства. В языковой картине мира отдельно взятого субэтноса они уже могут фигурировать в качестве характеристик относительных, поскольку направление, точку отсчета в пространстве человек выбирает, ориентируясь на свое положение.

Структурные члены оппозиций юг-север и восток-запад «в славянском фольклоре и ритуале нередко выступают в виде единого комплекса четырех сторон света...» [2, с. 109]. Особо выделенной среди всех четырех сторон света является восток. Издревле представления о миропорядке и укладе жизни крестьянина были связаны с солнцем, его движением. Отсюда и мифологические представления о боге Яриле, который проезжает на своей золотой колеснице по небосводу, освещает просыпающуюся плодородную Мать-Сыру Землю [4]. Восход как место «рождения» солнца, естественно, маркировался положительно, а запад как место его «смерти», – отрицательно. Покойников клали лицом в сторону востока, храмы строились обращенными на восток, ульи тоже ориентировали на восточную сторону [2, с. 111].

Ритуальная роль востока и связанного с ним восхода солнца нашли отражение в заговорах. В них неперемнным является повтор, своего рода формула, связанная с обозначением места направления. Рассмотрим фрагмент текста заговора, по данным архива автора бытовавшего на территории Красноярского края: «*Ложусь я помоляюсь, стою я благословляюсь. Пойду из дверей в двери, из ворот в ворота, на восток на восточную сторону. На восток на восточной стороне стоит море, в этом море плавает белый лебедь. У этого белого лебедя не держится ни утренняя роса и ни вечерняя роса...*». Как и в изоморфных русских заговорах, видим следующее: поскольку заговор направлен на положительный результат, ориентация субъекта в пространстве – *восток*. Данная лексема неоднократно повторяется, что концентрирует внимание речедателя именно на этой детали. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров в своем труде отмечали, что существуют нацеленные на реализацию негатив-

ного намерения заговоры, в которых «маркированным является понятие *не-восток, не-восточный*» [2, с. 110].

Если обратиться непосредственно к словарям русских говоров Красноярского края, можем встретить следующие лексические единицы, связанные семантически с первым членом бинарной оппозиции «восток-запад»: *волосажар – созвездие. – Созвездие Орион, состоит из семи звезд. Восходит на востоке – это Волосожар* [11, с. 50]; *кичиги – созвездие Ориона. – Домой пора, кичиги низко. Время завсегда по кичигам сверяли ночью* [5, с. 127]; *восходный – восточный. – Восходная сторона и западная, он знает, что выбирать* [11, с. 51]; *солновсход – 1) восток; 2) восход солнца* [11, с. 357]; *по пути солнца – с востока на запад* [11, с. 358]; *каменный ветер – ветер с восточного гористого берега реки Енисей возле Туруханска* [5, с. 119]; *солновосход – восход солнца* [6, с. 150]. Средством навигации для человека при отсутствии солнца давно являлись звезды, по которым он также определял свое местоположение. Примечательно, что в говорах разных районов встречаются разные именованья восточного созвездия, по которому ориентировался человек: *волосажар* (на юге края) и *кичиги* (на севере). В словаре М. Фасмера встречаем: «укр. Волосожа́р «созвездие Орион» [14, с. 343]; «кичига «вид цапа», арханг. Сюда же, по-видимому, кичига «созвездие Ориона», арханг.» [15, с. 241]. На то, что восток ассоциировался у человека с восходом солнца, указывают нам такие лексемы, как: *восходный, солновсход* (при рассмотрении значений наблюдаем многозначность), *солновосход*. О движении солнца по небосводу свидетельствует зафиксированное в говорах выражение «*по пути солнца*» (здесь-то и возникает полностью представленная семиотическая оппозиция «*восток-запад*»). Направление ветра также принято связывать со стороной горизонта: *каменный ветер*. Других номинаций, связанных с ветрами с востока, в говорах Красноярского края не встретили (в отличие от именованний северных ветров), однако данному явлению люди все-таки дали обозначение, поскольку, видимо, считали именно его опасным в связи со своим географическим положением (совсем близко был гористый берег реки Енисей).

Ко второму члену оппозиции («запад») можно отнести следующие лексические единицы: *закат1 – запад* [11, с. 100]; *надзакать – на закат* [11, с. 209]; *солносяд – 2. запад* [11, с. 358]; *запад – название ветра, дующего с запада* [5, с. 104]; *себлонец, устар. – переселенец из западной части России. – Себлонцы тоды называли переселенцев* [6, с. 95]; *солнозакат – закат солнца* [11, с. 357; 7, с. 150]. Как видно, в данном лексико-семантическом поле также отражена древняя ассоциация запада с заходом солнца (в семах *-сяд, -закат*). Явной негативной маркированности в значении лексем не отмечается. Однако, как известно, заходящее солнце у славян (да и у многих других древних племен) было символом угасания, несчастья, смерти [4, с. 253]. Среди лексем со значением «запад» встречается и одно именование человека, переселившегося с той стороны горизонта. Мы не думаем, что это связано с негативной оценкой личности. Вероят-

нее всего, это соотносится с историческим фактом: заселение территории Красноярского края проходило по большей части с запада.

Оппозиция «юг-север» аналогична и по своей структуре, и по маркированности вышерассмотренной оппозиции «восток-запад». Первый член оппозиции также имеет положительную коннотацию, второй – отрицательную. Юг в представлениях славян ассоциировался с солнцем, теплом, летом, днем, счастьем, добром, жизнью; север же – с холодом, мраком, ночью, зимой, несчастьем, смертью [2, с. 112]. В словарях говоров отмечаем следующие лексемы, связанные с лексико-семантическим полем «юг»: *полдень* – 1. юг. – *Противу сивера будет полдень*. 2. Южный склон. – *У нас на полднях меньше растет, чем на сиверах*. 3. Южный ветер. – *Полдень с юга дует*. 4. Слабый теплый ветер. – *Полдень летом, теплый, несильный ветерок* [11, с. 294]; *солнопёк* – юг [11, с. 358]; *солнопёкный* – южный [11, с. 358; 7, с. 150]; *на солнце, на обед* – на юг [11, с. 358]; *увал* – южный склон горы [11, с. 393]; *полудённый* – ветер с юга [5, с. 243]; *полудёнка* – сильный южный ветер, иногда со снегом. – *Полудёнка подула – мороз смягчит, тепло будет* [6, с. 292]; *хакас* – местное название южного ветра. – *Зовут хакас, говорят, что хакас чай пьёт, а он горячий, вот хакас и дует на него, отсюда и ветер* [6, с. 52]. Как видно, приведенные именованья отражают не только собственно стороны горизонта, но и прочно ассоциирующиеся с ними в традиционном сознании именованья метеорологических явлений – в данном случае ветров. Лексемы *полдень*, *полудённый*, *полудёнка*, *на солнце, на обед* заключают в себе информацию о направлении ветра, которое ассоциируется в представлении людей с солнцем, находящимся в полдень в зените. Кроме того, среди данных именованний встречаем немногочисленное в говорах Красноярского края указание на рельеф, ориентированный относительно стороны горизонта: *увал*. Появляется среди данных лексем и необычное именование южного ветра, очевидно, локальное – *хакас*, связанное напрямую уже с расположением определенной местности – Хакасии: «*Этот ветер дует с Хакасских гор постоянно в одном направлении, в течение 2–3 суток, поднимая тучи плодородной земли с полей. Солнца почти не видно, как будто солнечное затмение, а в оконные рамы между стекол набивается большое количество черной пыли*» [12, с. 269]. В приведенном из словаря примере употребления данного слова заключено местное поверье о том, что этот суровый, хоть и южный, ветер возникает, когда хакас садится пить чай и дует на него. Случай данного словоупотребления зафиксирован в Нижнеингашском районе, расположенном на юго-востоке Красноярского края, южнее которого по вертикальной оси расположена Республика Хакасия.

В процентном соотношении в говорах Красноярского края встречается более всего лексических единиц, относящихся ко второму члену оппозиции «юг-север»: *заветёрок*, *заветерье* – *северная сторона*. *Заветёрок* – это за солнцем (склон), и в нем лес растет [11, с. 96; 6, с. 56]; *низовик*, *низовка* – *северный ветер* [11, с. 225]; *север*, мн. ч. *севера* – 1) *северный склон горы, холма*; 2) *северный ветер* [11: 343]; *се-*

ром – *северным склоном гор* [11, с. 343]; *сивер* 1. – *север*. – *Четыре стороны, их так и зовут: восход, закат, сивер, полдень* [11, с. 347]; *сиверко* – *северный ветер* [11, с. 347; 7, с. 110]; *сиверный* – *северный, свежий (о ветре)* [11, с. 347]; *от солнца, на ночь* – на *север* [11, с. 358]; *хиузу*, *хиузу* (*хиусы*), *хиузина* – *резкий холодный северный ветер* [11, с. 407]; *хиузить* – *дуть (о резком северном ветре)* [11, с. 408]; *хиузит* (безл.) – *дует сильный, резкий, холодный ветер* [11, с. 408; 6, с. 60]; *хиузный* – *резкий, холодный, северный (о ветре)* [11, с. 408]; *дольник* 2 – *северный холодный ветер с гор (каменной)* [5, с. 81]; *сивер* – 1) *северный ветер*; 2) *север* [5, с. 278; 6, с. 110]; *сиверный* (сущ.) – *холодный ветер с севера* [5, с. 278]; *сиверить* – *дуть с севера* [5, с. 278]; *сиверко* – *то же, что сивер в 1 знач.* [5, с. 278]; *хиузу* – *резкий, холодный северный ветер* [5, с. 316]; *ангарец* – *северный ветер* [6, с. 51]; *верховик* – *северо-восточный ветер*. Ср.: *верховка*, *вершинник*. – *Дак верховик-та, мила, к плахой пагоде* [6, с. 156]; *сиверко* 1. нареч. – *холодно*. – *Ох, и сиверко на улице, глаз не открыть* [6, с. 110]; *хиусно*, нареч. – *ветрено*. – *Намедни во дворе было хиусно* [6, с. 60].

Причина столь обширной выраженности лексико-семантического поля «север» вполне объяснима географическим положением Красноярского края: большая часть территории находится в суровых климатических условиях. Как отмечалось выше, существует связь между сторонами горизонта и традиционными для каждой из них метеорологическими явлениями. Ветер, именуемый в говорах *ангарец*, *хиузу*, *сивер* и т. п., и приносимый им холод, как видим, ассоциируется с севером. Возникает еще одно локальное именование ветра (но уже северного) – *ангарец* (ветер с Ангары – реки в Восточной Сибири, самого крупного правого притока Енисея). Для центральных районов Красноярского края ветер, дующий с Ангары, являлся как раз северным (выше уже упоминалось об относительности ориентации в пространстве: для одних районов место локализации признака может быть точкой отсчета, для других – севером, югом, западом, востоком и т. п.). В данной лексико-семантической группе наблюдаем активный процесс словообразования: *сивер/север* (сущ.) – *сиверко* (сущ.) – *сиверко* (нареч.) – *сиверный* (прил.) – *сиверить* (гл.), что свидетельствует о значимости роли «севера» в жизни обитателей данной территории. Здесь же встречаем параллель с оппозицией «верх-низ» как одной из главных пространственных бинарных оппозиций: *низовик*, *низовка* – *верховик*, *верховка*, *вершинник* (по всей видимости, речь о ветрах, дующих с рек (низ) и с вершин гор (верх)) (см. подробнее [13, с. 289 – 294]). Семантическая оппозиция «юг-север» ярко выражается, помимо всего прочего, в антонимичных выражениях: *на солнце, на восход* – *от солнца, на ночь*, где противопоставление выражается с помощью предлогов и непосредственных прямых славянских ассоциаций природных феноменов с югом и севером.

Таким образом, пространство – один из фрагментов масштабной картины мира субэтнуса. В данном случае пространство может быть частично охарактеризовано с помощью бинарных оппозиций «восток-запад» и «юг-север», которые, как мы выяснили, находятся в тесной связи с обозначениями метеорологи-

ческих явлений (в частности с семантическим полем *ветры*) и являются осью координат для определения человеком своего места в окружающем мире, свиде-

тельствуют об особенностях жизни сибирского крестьянина, порожденных в немалой степени местными климатическими условиями.

Литература

1. Громов М. Н. Языческая и христианская модели бытия / История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет. 1995. С. 448 – 449.
2. Иванов Вяч. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука. 1965. 251 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Астрель. 2011. 541 с.
4. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Русское слово. 1997. 824 с.
5. Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск: изд-во КГПИ. 1992. 348 с.
6. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 1 (А – Д) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: РИО КГПУ. 2003. 296 с.
7. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 2 (Е – М) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ. 2005. 376 с.
8. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 3 (Н – П) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева. 2006. 400 с.
9. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 4 (Р – Т) / под общ. ред. О. В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева. 2008. 296 с.
10. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. Т. 5 (У – Я) / под общ. ред. С. П. Васильевой; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск. 2011. 192 с.
11. Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 448 с.
12. Судьбы людские: (семейная хроника) / Великанов Владимир Иванович. М.: Б. и. 1998. 447 с.
13. Тимченко А. Г. Семиотические оппозиции «верх-низ» и «далеко-близко» как средство формирования представлений о пространстве // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева № 1(23). Красноярск. 2013. С. 289 – 294.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс. 1986. Т. 1. 576 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс. 1986. Т. 2. 672 с.

Информация об авторе:

Тимченко Анастасия Георгиевна – аспирант кафедры общего языкознания Красноярского педагогического университета, tiana-89@mail.ru.

Anastasia G. Timchenko – post-graduate student at the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University.

(Научный руководитель: **Васильев Александр Дмитриевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания КГПУ им. В. П. Астафьева.

Research advisor: Alexander D. Vasiliev – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev).

Статья поступила в редколлегию 15.04.2015 г.